

Д-р Р. СЛЕНСКА (Гейдельберг)

**СООБРАЖЕНИЯ К БОГОСЛОВСКОМУ СОБЕСЕДОВАНИЮ
МЕЖДУ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
И ЕВАНГЕЛИЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ ГЕРМАНИИ**

(Изложенные здесь мысли представляют собой лишь наброски доклада. После окончания второго собеседования, намеченного на октябрь 1963 года, эти наброски должны быть дополнены и переработаны.)

Богословское собеседование между Русской Православной Церковью Московской Патриархии и Евангелической Церковью Германии началось лишь четыре года тому назад, и сейчас мы заканчиваем нашу вторую встречу. Мне было поручено выдвинуть некоторые соображения, относящиеся к критике и к дальнейшим перспективам нашего собеседования. При этом сразу же возникает вопрос: продвинулась ли наша работа настолько, что мы уже можем дать ответ о достигнутом и наметить дальнейший путь? Или, быть может, мы находимся еще в состоянии, для которого характерен избыток неисследованных возможностей, которые мы еще не можем ни охватить взором, ни отличить друг от друга? Дальнейшие соображения будут, поэтому, всего лишь первой и производимой наощупь попыткой ориентировки, и сама эта ориентировка подлежит постоянной коррекции под воздействием динамики, присущей самому собеседованию. Предложенная ориентировка ни в коем случае не мыслится как нечто, стоящее над собеседованием,— она включена в него и ему подчинена.

I. Ситуация, в которой протекает собеседование

Характерная особенность нашего собеседования в том, что, хотя мы и встречаемся как посланцы наших Церквей, наши встречи, тем не менее, не имеют ярко выраженного официального и представительного характера. Решающее значение принадлежит личным контактам, причем, прежде всего, мы должны, как богословы, принадлежащие к различным конфессиональным корням и традициям, научиться говорить друг с другом и понимать один другого.

Тут необходимо делать ясное различие между богословскими собеседованиями, с одной стороны, и церковными переговорами, не говоря уже о переговорах, имеющих целью восстановление церковного единства,— с другой стороны. Разумеется, и богословское собеседование не отделимо от чувства ответственности по отношению к нашим Церквам. От этого обязательства мы никоим образом не можем и не хотим отречься. Но наше собеседование, как всякое богословие вообще, есть лишь нечто динамичное, лишь отрезок совместного пути; продвигаясь по нему, мы можем ясно распознать наши цели, к которым мы устремлены и к которым нас влечет.

Но и в этой первоначальной стадии, в этом индивидуально-личном собеседовании заложены моменты, призванные войти в более широкую перспективу. Их я хотел бы здесь кратко наметить.

1. Оба поместные церковные сообщества, к которым мы принадлежим, суть лишь части более широкой общности. На заднем плане стоят многоплановые различия и разделения, которые существуют между христианским Востоком и христианским Западом. Существующие различия носят не только догматический характер: мы вынуждены счи-

таться с рядом так называемых небогословских факторов, которые мы должны себе уяснить, выяснив одновременно их воздействие на наши богословские высказывания.

2. Наряду с этим решающим различием между христианским Востоком и христианским Западом, которое не следует недооценивать, как и наряду с тем, что с точки зрения исторического развития между Восточной Церковью и Церквями реформации нет органической взаимосвязи, мы должны признать, что наше собеседование включено в процесс, последовательно стирающий ту пространственную и духовную разделенность, которая существует между нашими церковными сообществами. Сквозь противоположность начинает проступать общность, из дали расстояния рождается сближение.

В этой связи я думаю, прежде всего, о результатах исследований как православных, так и евангелических богословов (Флоровский, Кармирис, Бенц, Мюллер и др.). Эти ученые показали, что в истории наших Церквей с давних пор существовали взаимосвязи духовного и богословского порядка, возникавшие с обеих сторон. Значение этих влияний все еще недостаточно изучено и изложено.

Как для самих реформаторов, так и для нашего современного богословия исследование учения Древней Церкви имеет не только чисто историческое значение. С другой стороны, то «влияние западного богословия» на Православную Церковь, о котором так много спорят, имело не только отрицательные последствия, хотя оно и было омрачено нежелательными побочными явлениями. Реформатское богословие немислимо без обращения к Древней Церкви, причем не только Западной, но и Восточной. Но и богословие Восточной Церкви немислимо вне его соприкосновения с западным, в том числе и евангелическим, богословием — независимо от того, как это соприкосновение оценивать. По моему убеждению, ключ к той ситуации, в которой мы сегодня ведем наше собеседование, следует искать исключительно в истории богословия наших церковных сообществ. Наша задача в том, чтобы открыть и осмыслить то, что в этих путях богословия заложено.

Продолжение существующих взаимных связей можно усмотреть уже в том, что сейчас уже больше практически нет четкой географической границы между христианским Востоком и христианским Западом. Богословски значительно уже то, что сейчас в чисто западном окружении существуют не только отдельные православные общины, а даже целые церковные провинции. Из этого обстоятельства рождаются многочисленные контакты, и обе стороны не могут избежать плодотворных споров, которые ведутся в самых широких масштабах. Это глубоко зашедшее развитие делает богословское собеседование не только возможным, но и насущно необходимым.

3. Следует указать на то, что теперь, после того, как почти все поместные Православные Церкви вошли в состав Всемирного Совета Церквей на третьей Генеральной Ассамблее, состоявшейся в 1961 г. в Нью-Дели, мы встречаемся как члены этой организации. Без экуменического движения в широком смысле этого слова наши собеседования едва ли были бы возможны. Более того, эти собеседования — составная часть экуменического движения, в котором мы встречаемся как представители Церквей, выражающих своим участием во Всемирном Совете свою волю к единству. Здесь также удалось перебросить мост между Востоком и Западом. Поэтому мы встречаемся теперь не в порядке случайных, ни к чему не обязывающих межконфессиональных контактов, а на основе уже существующей общности. До сих пор часто получалось так, что православные участники на экуменических конференциях оказывались в оборонительной позиции, ибо они были на положении меньшинства. Это положение теперь преодолено, и мы от дальнейших встреч с богословием Восточной Церкви ожидаем многого.

4. Укажем, наконец, на те многообразные испытания и трудности, которые в наше время всякий раз вновь указывают нам на то, что жизнь в наших Церквах зиждется не на твердом обладании ценностями интеллектуальными, культурными или даже богословскими, а только на верности Господу, Который сохраняет и созидает Свою Церковь. Этот опыт также объединяет нас в вере и надежде, несмотря на все разделения.

Все то, что мы здесь лишь коротко наметили, ясно свидетельствует, что в отношениях между нашими Церквами изменилось не только взаимное понимание, но и все взаимоотношение. Здесь происходит смещение различных слоев, и это смещение — хотим ли мы того или нет — рушит и стирает привычные схемы. Мне представляется, что при таком положении мы даже не можем больше ставить вопроса: хотим ли мы вступать в собеседование и продолжать его? Эта встреча — пространственная, интеллектуальная и, конечно, духовная — происходит закономерно, и нам остается лишь отвечать на вопрос: как мы богословски справимся с этим охватившим нас всех движением, какова должна быть наша правильная установка к этому движению?

II. Богословские темы, входящие в собеседование

Отразилось ли то движение, которое нас охватило, в наших собеседованиях? Мне кажется, что некоторые данные дают нам право ответить на этот вопрос положительно. Уже в выборе тем проступают некоторые элементы, заслуживающие внимания. При первом собеседовании в Арнольдсхайне в 1959 г. мы обсуждали два тематических комплекса, а именно: проблему предания и вопрос об оправдании верой. На нашем сегодняшнем собеседовании поднят вопрос о «слове и духе». Выбор первых тем объясняется, в основном, тем списком вопросов, который был уже в 1956 г. передан проф. Л. Парийским проф. Х. Иванду, ныне покойному. Наряду с обеими вышеуказанными темами эта «анкета» содержала предложение заняться вопросами церковной иерархии и пастырской деятельности.

Достаточно беглого взгляда на темы наших дискуссий, чтобы увидеть, что мы стремились выбрать те вопросы, в которых ожидали как решающих доктринальных расхождений, так и характерных особенностей обоих церковных сообществ. В соответствующей мере речь идет о противопоставлении богословских установок в духе сравнительного богословия. Между тем, уже те предложения, которые выдвинул проф. Парийский, указывали на то, что отнюдь не имелось в виду ограничиться лишь статически формальным сопоставлением величин и систематизацией существующих расхождений. В частности, выявились два весьма существенных момента:

1. Указание на то, что важнейшие вероучительные высказывания реформаторов возникли в процессе спора с римско-католическим богословием того времени, но не имели никакого отношения к Православной Церкви, а это значит, что они не противопоставляли себя православию.

2. Указание на возможность разрыва между догматически выраженными и в какой-то мере формулированными в реформатских вероисповедных документах, вероучительными высказываниями, с одной стороны, и фактическим вероучительным содержанием благовестия, а также церковной практикой, с другой. Мысль здесь, пожалуй, заключается в том, что определенные вероисповедные высказывания носят характер антитезиса и односторонни, ибо обусловлены определенной исторической ситуацией.

Недостаточно поэтому ограничиваться изучением таких вероучительных формулировок, которые в результате популяризации могут предстать перед нами в еще более ущербной форме и усматривать в

них учение другой — в данном случае созданной реформаторами — Церкви. Возможный разрыв между догматическими определениями, с одной стороны, и церковным благовестием и практикой, с другой, скорее обязывает нас к более глубокому проникновению в богословие и жизнь другой Церкви, а это по существу возможно лишь в порядке непосредственной встречи. Многие оказываются тогда — мы имели случай убедиться в этом уже при встрече в Арнольдсхайне — неожиданно совсем иным, чем первоначально казалось внешнему наблюдателю.

Это справедливо, пожалуй, для каждой Церкви, для каждого межконфессионального собеседования, в том числе и для нашего. Ведь и мы со временем осознали, что центр церковной жизни православия следует искать не в тех или иных символических книгах и не в сводах школьной догматики, а в благодетии и в литургии. По моему мнению, это не есть лишь специфическая особенность Восточной Церкви, что у нее мистика и литургия занимают то место, которое у нас принадлежит мысли и богословию. В принципе необходимо уяснить себе, каковы место и корни богословия в Церкви, понять, что богословие не является самоцелью и не сводится к апологетическо-полемиической функции, а неразрывно связано с благовестием и с верой. Не в этом ли пункте мы хотим и должны встретиться, если действительно стремимся к подлинному собеседованию, а не к сопоставлению внешних явлений и признаков? С этой позиции следует бросить взор на собеседования прошлые и предстоящие и поставить себе вопрос: находимся ли мы на этом пути вперед и какие здесь проблемы возникают вновь?

По отношению к тем двум темам, которые обсуждались в Арнольдсхайне, нельзя сказать, что мы уже их исчерпали, или что достигли формального соглашения. Но все же конечным результатом этих переговоров является согласие, достигнутое по основным вопросам, в то время как остающиеся несогласия касаются, скорее, побочных вопросов, главным образом терминологического порядка. Нет нужды еще раз детально останавливаться на этих результатах, они известны. Правильнее будет спросить: что эти результаты означают и как их оценивать?

Прежде всего, следует указать на то, что как в вопросах Предания, так и в проблеме оправдания нам, несомненно, удалось однозначно преодолеть привычные, выдержанные в духе полемического богословия альтернативы.

Мы сообща смогли признать, что Предание никогда не может находиться в противоречии со свидетельством Писания, что его соответствие Писанию является существенным критерием его истинности. Мы смогли также сказать, что мы принимаем оправдание через благодать, в вере в спасение Господом Иисусом Христом и что не существует оправдания на основе добрых дел.

Из этого можно уверенно заключить, что существующий между реформатским и римским богословием фронт (хотя в последнее время в нем происходит прорыв: Гейзельман, Кюн!) не может быть перенесен в наши отношения с Восточной Церковью, как это случалось в разное время в истории богословия обоих наших церковных сообществ.

Но ясно также, что достигнутое согласование состоит не просто в том, что евангелические участники диалога теперь неожиданно говорят о «Писании и Предании», а православные — об «оправдании только верой». Мы встретились не в обоюдном принятии догматических формулировок, а в углубленном богословском взаимопроникновении. Мне хотелось бы применить к этому событию название конвергенции (схождения направлений). Этим должно быть выражено (мы применяем здесь схему аввы Дорофея из «Добротолюбия»), что наши различные богословские формулировки, возникшие в условиях разных ситуаций, суть радиусы, которые сходятся в одном центре. У темы «Писание и Предание» этот общий центр лежит в убеждении, что Церковь может жить только От

кровеннем и истиной, переданной апостолами; у темы «Оправдание» центр заключается в том, что за реформатским «*sola fide*» (одною только верой) стоит общее «*propter Christum*» (благодаря Христу).

От конвергенции надо отличать совпадение. Мы не можем, конечно, сказать, что при обсуждении наших тем мы уже пришли к установлению нашего полного согласия. Но конвергенция все-таки есть движение к одному определенному пункту, и все, что мы обсуждаем, уже имеет в нем конкретную цель. Существующие различия предстают в другом свете.

III. Открытые вопросы

1. На первом месте среди вопросов, остающихся открытыми, стоят различия в терминологии. Они занимают в наших беседах большое место, и это кажется мне характерным путем, на котором мы находимся. Во-первых, терминологические различия надо отличать от принципиальных, если они не исключают их также принципиально. Во всяком случае здесь все-таки уже в какой-то степени предполагается согласие. Во-вторых, терминологические различия оставляют открытым вопрос: не скрываются ли за ними разделяющие Церкви различия в учении? Однако они побуждают также ставить эти вопросы заново. В-третьих, терминологические различия требуют откровенности для дальнейшей беседы, для дальнейшего проникновения в поставленные проблемы. Так же, как и при согласованно установленной конвергенции, мы стоим и здесь перед движением, от которого мы уже не можем отстраниться в наших общих богословских устремлениях.

В отношении наших бесед, которые мы проводили здесь, в Загорске, укажем, однако, еще на два пункта, которые тоже были уже затронуты в дискуссиях.

2. Существенный недостаток наших бесед, который ощущался, по-видимому, обеими сторонами, заключается в том, что мы еще в слишком малой степени осведомлены об истории богословия нашего собеседника. Поэтому-то при нашей беседе впервые была предпринята попытка представить и сообщить в двух рефератах особые устремления и проблемы новейшего богословия обеих Церквей.

Трудности, которые препятствуют глубокому проникновению в богословскую работу и традицию другой стороны, известны. Они заключаются, прежде всего, в недоступности источников, которая должна преодолеваться технически и в отношении языка. Но все-таки у обеих сторон обнаруживается возрастающий интерес, и для нас было неожиданным видеть особое внимание, которое уделялось здесь, в Загорске, догматике Карла Барта.

Конечно, при этом речь идет, прежде всего, о чисто историческом и объективном освоении источников. Но этим задача никоим образом не ограничивается. Цель достигается не просто установлением фактов. Дело скорее в том, чтобы увидеть и тем самым понять, как в истории Церквей и их богословской деятельности осознается миссия христианского свидетельства в той или иной исторической ситуации и при тех или иных духовных влияниях. Дело в том, чтобы увидеть, как вера в Христа оказывается здесь движущей силой. То, что мы столь радостно ощущаем в нашей непосредственной встрече, а именно, элемент личной христианской сопряженности, на основе которой мы можем также разбирать и обсуждать то, что нас разделяет,— это следовало бы перенести на наши Церкви в их настоящем, как и в их прошлом. Дело в том, чтобы устранить множество недоразумений и предрассудков, и, в сущности, эта великая задача оказывается возможной только начиная с личной встречи, с момента возникновения интереса одного к другому. Можно было бы назвать это распространением нашей встречи на

прошлое, над которым, хотя и тяготеет вина разделения, но которое содержит также много еще непознанных элементов единства. В этой связи я думаю об одном известном стихотворении русского поэта Ф. И. Тютчева, убежденного православного христианина, который так описывает событие этой встречи: «Я лютеран люблю богослуженье, обряд их строгий, важный и простой — сих голых стен, сей храмины пустой понятно мне высокое ученье».

3. В заключение еще кратко коснемся того круга вопросов, который постоянно затрагивается в наших беседах и в котором, несомненно, заключается главная проблема церковных объединительных усилий, а именно — учения о Церкви.

Частично экклезиология постоянно затрагивается в наших беседах и в некотором смысле все различия в учении коренятся в экклезиологических расхождениях. Это становилось наиболее очевидным при разборе понятия Предания, которое, по сути дела, может получить свое окончательное разъяснение только исходя из экклезиологии. Но то же самое действительно и в отношении разбиравшихся здесь, в Загорске, вопросов богослужения, которые непосредственно подводят нас к учению о Церкви. Отсюда следует поставить вопрос: не должно ли учение о Церкви стать непосредственной темой наших встреч, как это уже давно имеет место в экуменическом движении? Но одновременно следует взвесить, так ли мы уж далеки на самом деле, чтобы конкретно обсуждать эту, несомненно, необходимую и неизбежную тему.

При этом нужно также учесть, что до сих пор еще ни одна Церковь не раскрыла и догматически не определила законченного учения о Церкви. Даже в Римско-Католической Церкви, где скорее всего можно было бы этого ожидать, окончательное формулирование этого учения еще отсутствует. Остается выжидать, как далеко пойдет по этому пути Второй Ватиканский Собор. Разве не так обстоит дело, что в богословии наших Церквей, а также в экуменическом движении мы стоим в отношении экклезиологии перед множеством неразрешенных проблем? На самом ли деле догматические различия в учении о Церкви являются столь яркими, как это иногда кажется? Не стоим ли мы вместе скорее перед открытыми вопросами, чем перед четко определившимися фронтами? Не определяются ли различия в экклезиологии преимущественно самим фактором нашей церковной разделенности и в меньшей степени — сформулированным учением? Наконец, напомним также и о том, что именно православными богословами часто указывалось на неисчерпаемость и непостижимость сущности Церкви, на тайну Церкви, которая почти или вовсе не поддается охвату богословскими понятиями.

Мне кажется, что опыт, который мы получили при обсуждении наших прежних тем, в частности, темы богослужения, в еще более сильной степени применим к вопросу о Церкви: при экуменической встрече эта тема не может обсуждаться абстрактно, т. е. в отрыве от реальности, свойственной тем или иным церковным сообществам. Мы не могли также говорить как следует о богослужении, как просто о богословской или даже спорно-богословской проблеме, не испытав сами, что означает богослужение в его свершении в церковной жизни нашего собеседника, когда мы путем участия в богослужении наших собеседников были совершенно определенным образом захвачены его действительностью так, что оно стало нам доступным при всем его внешнем отличии. Перенести это на экклезиологическую проблему означает, однако, что мы не можем обсуждать вопросов учения о Церкви, не познав прежде также и церковную действительность один другого, и притом с охватом всех различий и даже противоположностей, в которых она перед нами предстает. Учение о Церкви неотделимо от церковной действительности.